

УДК 111 (430) (091) "19"

*Е. Н. Шатова***Концептуальность взглядов Томаса Манна на проблему человека**

Автор интерпретирует взгляды Т. Манна на проблему человека как самостоятельную, оригинальную философско-антропологическую концепцию, со свойственными ей процессуальностью, целостностью, диалогичностью, субъективностью представлений и идей.

The author interprets Thomas Mann's views on the problem of man as an independent original concept of philosophical anthropology with inherent procedurality, integrity, dialogue, subjectivity of perceptions and ideas.

Ключевые слова: Томас Манн, философская антропология, Макс Шелер, «новый гуманизм».

Key words: Thomas Mann, philosophical anthropology, Max Scheler, "neo-humanism"

В одной из первых своих статей – «Бильзе и я» (опубликована в газете «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен», февраль 1906 г.) Т. Манн вспомнил забавный эпизод детства. Ребенком он «рисовал карандашом человечков», окружающие, увидев эти рисунки, как правило, спрашивали: «Кто бы это мог быть?». «Никто, – восклицал я, чуть не плача. – Это человек». Будучи известным писателем, он обнаружит своеобразное послание, маленький манифест – «Я все еще рисую человечков» [1, с. 28, 32]. Возможно, этот случай кому-то покажется лишь мимолетной, несущественной картинкой в воспоминаниях Манна. Даже если это и так, для нас он символичен, ибо представляет писателя мыслителем, посвятившим жизнь поиску ответов на многие вопросы, производные от одного – центрального – «что есть человек?».

Как интерпретировать место философско-антропологического дискурса в творчестве Манна? Взгляды писателя на комплекс философско-антропологических проблем – это его *концепция* видения человека. Правомерность подобной интерпретации философско-антропологических взглядов писателя фундирует ряд положений.

Первое. Манн осмысливал проблему человека, оперируя исключительно «смыслами». Увидеть это обстоятельство исследователю чрезвычайно важно, в противном случае он зайдет в «тупик», ибо вынужден будет констатировать либо постоянную подмену одного понятия другим, производимую писателем, либо противоречивость самих употребляемых понятий. «Пройдут еще годы и годы, прежде чем он (Т. Манн – Е. Ш.), почувствует себя в философской терминологии как в родной стихии» [1, с. 30], – думается, что замечание С. Апта, как нельзя уместно воспроизвести в начале анализа философской антропологии Манна. Принимается оно с существенной оговоркой: писатель практически не оперировал понятиями, его «философской терминологией» был широкий ряд «философских смыслов». Это замечание допустимо в том случае, если имманентными характеристиками понятий признать императивное требование общезначимости, однозначности, объективности. Смыслы же в отличие от понятий характеризуются субъективностью, диалектичностью, ситуативностью раскрытия.

Второе. Полагание смысла есть постоянный процесс накопления изменений (переосмыслений), которые характеризуются как интериоризированными, так и экстериоризированными детерминационными истоками. Иными словами, ситуативную природу смыслов в философской антропологии Манна иллюстрируют по меньшей мере два направления его взгляда-интеретации: он осмысливает происходящее вне себя, вследствие чего «редактирует» смысл, либо он меняется сам, исход тот же – расширение горизонтов смысла. Данное замечание чрезвычайно важно в силу того, что подчеркивает не только сам факт подвижности взглядов писателя, но и обеспечивает единство двух основных тематических блоков философской антропологии – «бытие» (сущность) и «существование» (явленность). Именно близостью вопросов бытия и явленности характеризуется философская антропология Манна. Именно весь жизненный (творческий) путь писателя – время, потраченное на выработку его антропологии.

Третье. Философская антропология Манна – это целостное явление. В силу этого исследовать взгляды писателя на проблему человека очень сложно, ибо необходимо подвергать тщательному анализу не какую-то одну сферу приложения его способностей, важно видеть в писателе человека – современника происходящих событий, мыслителя, философа. Целостный, глубокий, всесторонний анализ наследия Манна – необходимое условие, позволяющее, в случае его соблюдения, сформулировать те или иные выводы, касательно его философской антропологии.

Четвертое. Манновское видение проблемы человека формулировалось на основе устойчивого диалога со многими представителями немецкой философской традиции (и не только немецкой). Обретение смысла – постоянный разговор писателя с широким кругом «собеседников» – предшественников, современников, потомков.

Пятое. Взгляды писателя носили характер личных, субъективных представлений, которые, как правило, были производны от субъективного опыта. Большое внимание в исследовании актуализированной проблемы отведено анализу эпистолярного наследия Манна. Почитая в качестве авторитетов многих мыслителей, со многими споря, в чем-то соглашаясь, где-то противореча им, он всегда оставался самим собой – удивительно открытым философом, презирающим боязнь быть непонятым, неверно истолкованным.

Обратимся к самому началу творческого пути Т. Манна. Он только завершил работу над первым большим романом «Будденброки» (1901), он еще никому не известен, но уже ответил себе самому на вопрос о том, каковы должны быть отношения художника и читателей. В одном из писем, адресованных брату – Генриху Манну, «Сказочная страна» которого уже снискала читательские симпатии, подчеркнуто: «... главная прелесть для публики заключена, я думаю, ... в социальной сатире и социальной критике» [4, с. 38]. После большого успеха «Будденброков» (роман печатается 13-тысячным тиражом), он добавляет к высказанному – «письма, деньги, похвалы, рукопожатия, «почет», – все это сродни «гнузости», если всеобщего одобрения сочинения не разделяет сам автор («Все наслаждаются, только не я»), если ставка на «читательский интерес» достижима лишь при «поношении правды и человечности» [5, с. 59, 61]. Манн, с трудом «вживающийся в роль знаменитого человека», провозглашает для себя правило, которому будет следовать на протяжении всей творческой жизни: «... писатель должен быть ... больше, чем просто художником» [6, с. 72; 7, с. 80]. Как бы ни менялась жизнь Манна под воздействием бурных событий и явлений современности (Великая война, развитие демократической и тоталитарной социальных тенденций, Вторая мировая война и др.), с пути ответственности художника перед обществом, перед человеком, писатель уже не свернет. Он будет следовать этим путем в силу убежденности в том, что проблема человека чрезвычайно животрепещуща, что художник может участвовать в ее решении, должен участвовать в ее решении.

На протяжении всей творческой жизни Манн много ездил по стране, миру, встречался со своими читателями – знакомил со страницами новых сочинений, обсуждал известные художественные обра-

зы. Много статей мыслителя выдержаны в форме пояснений к литературным текстам («По поводу „Королевского высочества“», 1910; «По поводу „Песни о ребенке“», 1921; «Предисловие к папке с рисунками», 1921; «Непорядки и раннее горе», 1926; «Введение к „Волшебной горе“», 1939; «„Иосиф и его братья“». Доклад», 1942; «Заметки о романе „Избранник“», 1951 и др.). Большое внимание в беседах с читателями он уделяет обсуждению творчества других мастеров художественного слова, распознаванию содержания идей различных философских учений («Бильзе и я», 1906; «Старик Фонтане», 1910; «Русская антология», 1921; «Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма», 1922; «Об учении Шпенглера», 1924; «Роберт Музиль „Человек без свойства“», 1932; «Философия Ницше в свете нашего опыта», 1947 и др.). В них неустанно интерпретируются проблемы бытия и жизни человека, которые интересуют как самого писателя, так и его современников.

Необходимо отметить, что три важных события, сыгравших роль своеобразных вех в жизни Манна, и им самим, и современниками, и биографами связываются с выступлениями, идеи которых затем приобрели форму публицистических статей – «Размышления аполитичного человека» (1917–1918); «О немецкой республике» (1922–1923); выступление с докладом «Страдания и величие Рихарда Вагнера» (1933) – «благодаря» этому выступлению писатель оказался вне Германии в момент прихода к власти в 1933 году сил национал-социализма. Подобная активность Манна есть очевидное свидетельство его обеспокоенности судьбой человека, человечества – его современников и потомков.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что его творчество – удивительно целостный, единый организм (художественные произведения, статьи, выступления, письма и дневники). Следовательно, какая бы проблема ни была поставлена ученым в центр его исследовательского интереса, достаточным основанием выработки аргументированных выводов в итоге служит комплексное использование всего разнообразного по своему характеру наследия писателя. Это первая аксиома: Манн – не тот мыслитель, имя которого возможно соотнести с каким-то одним, центральным, произведением, либо с обозримым кругом его сочинений.

«Все мы – родом из детства», – распространенное мироощущенческое основоположение. Манн – представитель бюргерской среды, которая с известной долей автобиографичности была воссоздана им в «Будденброках». Об этом писатель неоднократно говорит на страницах своих статей и писем. Показательно, что одно из публичных вы-

ступлений, произнесенных именно перед жителями Любека – «Любек как форма духовной жизни» (1926), расценивается нами как один из наиболее информативных философско-антропологических текстов писателя. Манн отмечал, что все, что ему удалось в молодые годы сказать «Будденброками», может быть расценено как «нечаянное» и «бессознательное». Теперь, спустя четверть века после написания «истории семьи», он формулирует иное убеждение:

«Но я сильно заблуждался бы, полагая, что выразил это случайно. Теперь мы знаем, как велика роль бессознательного, вернее – подсознательного начала в нашей жизни, и насколько все важнейшие наши действия связаны с этой существенной сферой бытия, которую философия называла «волей» и которая лишь в малой степени и лишь *post factum* контролируется и истолковывается разумом ... *не только в этой книге, но и во всех других, во всем моем художественном творчестве, во всей моей деятельности* – как бы она не была значительна или малозначительна – следует видеть не какие-то чисто эстетические формальные поиски, ... но некую форму жизни» [3, с. 78–79].

Итак, Манн – мыслитель, в творчестве которого вопросы философской антропологии занимают существенное место. Желание взглянуть на писателя как на глубокого мыслителя возникает у любого его почитателя, исследователя его творчества. Закономерно встает вопрос: откуда проистекает мысль о том, что Манн – не просто мыслитель, он – автор яркой философско-антропологической концепции? Намерение исследовать философскую антропологию Манна – следствие, по меньшей мере, трех обстоятельств. Во-первых, знакомство с художественными текстами писателя не может не привести к мысли о том, что все они чем-то потаенным связаны. Возникает желание сделать это тайное явным, тогда и открывается удивительно глубокая по своему философскому содержанию писательская концепция проблемы человека.

Во-вторых, это всего лишь одно из писем Манна, посланное «неизвестному». Отметим, что писатель иногда прибегал к такому приему: желая вступить в публичную полемику, дискуссию, он писал письмо в газету, либо журнал, адресуя его неизвестному, а следовательно, очень многим, всем. Так произошло и с письмом, на страницах которого постоянно фигурировало имя Макса Шелера, анализ взглядов которого – впереди.

Укажем и на третье обстоятельство – дневники Манна, где он не просто фиксировал факты повседневности (в котором часу отправился на прогулку, какова сегодня погода, собственное самочувствие и др.). На страницах дневников Манна – сам писатель, со своими про-

блемами, собеседниками, книгами. Более того, на страницах дневников можно встретить свидетельство самого искреннего чувства, глубокого, наполняющего душу, сердце, но по различным причинам там и остающегося. Дневники Манна – «сокровищница» его чувств, переживаний и мыслей.

Обратимся к анализу упомянутого письма Манна. Необходимо отметить факт знакомства писателя с работами Шелера, которые он ценил очень высоко. Именно с анализа ракурса философского взаимоотношения М. Шелер – Т. Манн позволим себе начать характеристику философско-антропологического дискурса писателя. Подобный анализ попросту необходим, ибо для того, чтобы говорить о философско-антропологическом характере осмысления проблемы человека, необходимо не просто поставить человека в центр рассматриваемых проблем, но и придерживаться соответствующей терминологии.

В начале января 1932 г. Манн пишет письмо «Неизвестному», косвенно адресуя его всем своим соотечественникам, гражданам Германии. В этом письме автор упоминает имя лишь одного своего современника, «... к сожалению слишком рано вырванного из жизни», – Макса Шелера [8, с. 47]. Как свидетельствует приведенная строка, адресант не просто был наслышан о философе – великом продолжателе «практического смысла» антропологии Канта, мыслителе, совершившем антропологический поворот в философии первой половины XX века, но он высоко оценивал высказанные Шелером идеи. «Такие книги, – пишет Манн о “Положении человека в космосе” – основном произведении Шелера, – ... нужны его времени» [8, с. 47].

В чем усматривал Манн «дух времени» (категория, позаимствованная из философско-поэтического мироощущения высокочтимого им Гете) современной эпохи, омраченной многими социальными и духовными потрясениями? Как известно, писатель очень глубоко и болезненно переживал последствия Великой войны не только для своей страны, но и для всей Европы. «Дух времени» современной эпохи заключался, по мнению Манна, в «страданиях и приключениях, выпавших на долю европейского человека», ибо «Европа представляет собой ныне некоторое духовное целое». Именно через «страдания», имманентно присущие современной Европе, писатель интерпретировал духовную сосредоточенность на «новом, гуманном интересе» как «главном духовном направлении» времени. Именно по причине удачного и точного выражения этого «нового, гуманного интереса» «духа времени» автор письма высоко ценил книгу Шелера [8, с. 47, 48].

Манн очень лаконично, что не тождественно поверхности аналитического осмысления взглядов Шелера, характеризует статус научности философской антропологии, выделяя его предметные и гносеологические основания. Антропология интерпретировалась продолжателем традиций немецкого гуманизма как область философии, диалектика которой определяется интересом к человеку, «к его сущности, его положению в космосе, его прошлому и будущему» [8, с. 48]. Таким образом, Манн усматривал целеполагание современного антропологического знания в философском осмыслении сущностного бытия человека, имманентно характеризующего его родовую природу. Важными аспектами антропологического интереса он называл вопросы природно-социально-метафизических оснований существования человека.

Понимание Манном гносеологической природы современной антропологии было рождено вследствие критического восприятия традиций изучения человека в прошлом. По мнению автора письма, интерес к человеку до появления философской антропологии, преимущественно «выступивший отчетливей и ярче всего в научной форме», никогда не был «насущным и всесторонним». Это Манн объяснил концентрацией внимания «прежней» наукой о человеке на подчеркнута теоретической форме научного изложения. Более целесообразно же избирать художественные, поэтические формы выражения мыслей:

«... я не сомневаюсь, что эта новогуманистическая тенденция времени скажется и в искусстве, ... гуманность обязана будет доказать свою естественную психологическую связь с классикой. Я считаю вероятным поворот в поэзии от всего крайнего, авантюрного, экзотического и сенсационного по материалу к человечески изначальному и простому, тяготение к первобытно-мифическому и чистому, то есть к новой классике, которая возвратится на другом, позднем уровне и, поскольку искусство тем временем прошло через многое, примет, конечно, иной вид, чем на более ранней ступени» [8, с. 48].

Использование философской антропологией художественного слова необходимо востребуется, считает Манн, не только объектом познавательного интереса, но и методологией исследований сущностного бытия человека. Методологическая основа современной, «новогуманистической» антропологии виделась ему в «страстном слиянии спекулятивности с точностью и ... связи с психоаналитическим исследованием». Важно отметить, что уже в начале работы над романом «Иосиф и его братья» Манн замыслил данное произведение как художественную концепцию собственного видения антропологической

проблематики современного философского знания. В этой связи он отмечал: «... когда я задумывал свой библейско-мифологический роман, давным-давно меня занимающий, я отчетливо вижу связь этого замысла с теми общими тенденциями, что я сейчас пытался определить (становление нового гуманизма – Е. Ш.)» [2, с. 173].

И последнее отмеченное обстоятельство – дневники писателя. По своему объему это несколько внушительных томов, записи которых велись скрупулезно, тщательно, пунктуально, одним словом, – по-бюргерски. На страницах дневников – разработка проблемы гуманизма в ее философско-антропологическом, а не социально-философском звучании.

Суммируя все выше сказанное, позволительно утверждать: философско-антропологические взгляды Томаса Манна – самостоятельная, оригинальная концепция видения мира человека, полагания смысла его бытия и явленности; концепция, предикативность которой раскрывается категориями «процессуальность», «целостность», «диалогичность», «субъективность».

Список литературы

1. Манн Т. Бильзе и я // Манн Т. Художник и общество. Статьи и письма / сост. С. Апт. – М.: Радуга, 1986. – С. 23–32.
2. Манн Т. Иосиф и его братья. Доклад // Манн т. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 9. – С. 172–191.
3. Манн Т. Любек как форма духовной жизни // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 9. – С. 69–92.
4. Томас Манн – Генриху Манну, 2.11.1900 // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка / пер. с нем.; сост. авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988. – С. 38–40.
5. Томас Манн – Генриху Манну, 5.12.1903 // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка / пер. с нем.; сост. авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988. – С. 58–66.
6. Томас Манн – Генриху Манну, 27.II.1904 // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка / пер. с нем.; сост. авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988. – С. 71–75.
7. Томас Манн – Генриху Манну, 18.II.1905 // Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка / пер. с нем.; сост. авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская. – М.: Прогресс, 1988. – С. 78–80.
8. Томас Манн – Неизвестному, 8.I. 1932 // Манн Т. Письма / Изд. подгот., [перевел с нем., послесл. с. 375–395, примеч. сост.] С. К. Апт. – М.: Наука, 1975. – С. 47–48.